

Н.Н. Широбокова

**О соотношении синтетических и аналитических форм
в тюркских языках Сибири²⁶**

Аннотация. В статье прослеживаются тенденции соответствия якутских аналитических форм синтетическим формам в языках Южной Сибири.

In the article the tendency of the Yakut analytical forms to correspond to the synthetic forms in other Southern-Siberian languages is discussed.

Ключевые слова: тюркские языки, синтетические формы, аналитические формы.

The Turkic languages, synthetic forms, analytical forms.

УДК: 811.512.1

Контактная информация: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Институт филологии СО РАН, сектор языков народов Сибири. Тел.: (383)330-84-69

---

²⁶ Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре». Направление «Тексты традиционной культуры в перспективе культурной эволюции»; проект «Пути развития младописьменных языков Сибири и Дальнего Востока и их отражение в фольклоре и художественной литературе».

В тюркских языках, в частности в тюркских языках Южной Сибири, интенсивный характер имеет процесс стяжения аналитических глагольных форм. Эти процессы формируют значительное количество новых временных показателей, что ведёт к перестройке глагольных оппозиций. Соотношение аналитических конструкций и восходящих к ним синтетических форм в тюркских языках Сибири неодинаково. Процессы синтеза протекают в сибирских тюркских языках различно, что может быть использовано для установления отношений между этими языками на позднем этапе их развития. В якутском языке отсутствует стяжение сибирского типа, когда конструкции со структурой: семантический глагол, оформленный деепричастным показателем, плюс вспомогательный глагол, оформленный временным показателем, теряет грамматические показатели, часто упрощается и корень вспомогательного глагола. Отсутствие вторичных синтетических глагольных показателей, сформировавшихся на базе аспектуальных бивербальных конструкций, свойственно и тувинскому языку.

Но привлечение к анализу других форм показывает, что тувинский и якутский входят в разные ареалы по характеру процессов синтеза некоторых аналитических форм, например, формы на -галак. В области глагольной морфологии общесибирскую изоглоссу образует причастие на =а илик ~ =галак, которое присутствует в якутском, тувинском, а так же хакасском, шорском, чулымско-тюркском, алтайском, барабинском диалекте сибирских татар и, за пределами Сибири, в киргизском языке и в языке Фууйских кыргызов. Исследования последних лет показали, что Фууйские кыргызы – это осколок енисейских кыргызов. Они отделились от основной группы кыргызов во второй половине XII в. Сохранившийся в преданиях Фууйских кыргызов топоним Алтай, который понимается ими как прародина, истолковывается Э.Р. Тенишевым как название местности Алтай на крайнем востоке Хакасии, юго-восточнее Абакана. Там сейчас проживают качинцы и койбалы. На основании данных этого языка можно судить о языке енисейских кыргызов XVI–XVII вв

В диалектах сибирских татар: она употребляется в барабинском диалекте, но уже как связанная причастно-падежная форма на -галак-та. По употреблению она близка к деепричастию на -ган-чы, сочетанию -мас борон и передает действие, предшествующее основному действию. Эта же форма стала базой для формирования будущего ожидаемого действия, выражая близкие к моменту совершения, но еще не совершившиеся действия: *Мин амылтан киткэлэжмен* ‘Я еще не уехал из деревни’; *Сес гурытка паргалакма?* ‘Вы еще не ездили в город?’. В составе единичных прилагательных этот аффикс встречается в башкирском языке и в заказанском говоре татарского языка: *качқалак* ‘убегающий’, *көйгелек* ‘беспокойный’. Ф.Ю. Юсупов центром ареала форм на -галак считает тувинский, алтайский, хакасский языки, дальше изоглосса охватывает якутский и киргизский языки. Барабинский диалект образует зону вибрации. На границе тоболо-иртышского диалекта изоглосса -галакта/-галак затухает [Юсупов 1985: 83].

Особенности семантической структуры этой формы (значение еще не совершившегося действия, в тувинском языке значение ближайшего будущего) и соотнесенность с сибирским ареалом позволяют принять гипотезу о его возникновении под влиянием монгольских языков, монгольские языки знают формы с подобной семантикой. Распространялась эта форма в тюркских языках Сибири, скорее всего, через древнекыргызский язык, так как именно кыргызский язык дает достаточно данных для непротиворечивой этимологии этой формы (наличие модальной отрицательной частицы *elek*). [Насилов 2000]. Для якутского языка и других языков Южной Сибири эта форма может рассматриваться как результат влияния древнекыргызского языка или как результат контактного развития древнекыргызского и древнеякутского языков на каком-то ограниченном этапе их развития.

В якутском языке эта форма считается особым наклонением, это достаточно широко употребляемая форма, сохраняющая специфическую семантику: ‘действие еще не произошло + действие должно произойти’. Ориентированное на план прошедшего времени, образует наклонение несовершившегося действия.

Кыргызский язык, взаимодействуя с языками разных племен, образовал хакасский язык со всеми его диалектами. Через кызыльский диалект хакасского языка язык енисейских кыргызов участвовал в формировании языка чулымских тюрков. Язык Фууйских кыргызов обнаруживает близость с шорским и сарыг-югурским.

Генетические связи существуют между языком лобнорцев и северными (более архаичными) говорами киргизского языка. О языке лобнорцев С.Е. Малов писал, что «язык желтых уйгуров и лобнорцев можно объединить, приняв во внимание многие внешние условия этих народов, которые и наложили на их язык свои черты. Это два древних языка, а язык лобнорцев есть древний разговорный язык древних киргизов» [1956: 5]. Ограниченность языковых данных по этому языку к тому времени,

когда он стал доступен исследователям, он быстро подвергся ассимиляции со стороны уйгурского языка [Тенишев 1995: 232], это не дает возможности определить была ли в нем форма на -галак.

Ареал форм -галак / -а илик связан с территорией распространения языка древних кыргызов и с теми языками, на которых этот язык оказывал влияние. Из современных сибирских языков не знает этой формы тофский. Но проведенное В.И. Рассадиным сопоставление собранных им данных по тофскому (тофаларскому) языку с данными М.А. Кастрена, полученными тем в 1847, показало, что тофский язык эту форму утратил [Рассадин 1978: 275].

Второе положение, которое нужно учесть при толковании этой формы, это наличие форм с такой же семантикой в монгольских языках.

В монгольских языках есть причастие, которое в ранних грамматиках назвалось причастием настоящего прошедшего неоконченного, в современных монгольских грамматиках его называют причастием настоящего времени. Отмечено это причастие и в памятнике XVII в., летописи «Алтан тобчи» («Золотой свод»), написанной монахом Лувсан Данзаном. Летопись была обнаружена в 1926 г. и известна по единственному найденному в Монголии списку. Хотя сама рукопись относится к XVII в., исследователи монголоведы пришли к выводу, что автор имел в своем распоряжении древние монгольские тексты, возможно и текст «Сокровенного сказания», написанный на уйгуро-монгольском алфавите и не сохранившийся, но именно такой текст использовался для фонетической записи «Сокровенного сказания» китайскими иероглифами [Орловская 1984: 15]. М.Н. Орловская выделяет в языке этого памятника причастия на *-γ-a/-d-e*, происхождение которого Рамстедт и В.Л. Котвич [1962: 302–304] связывали с тюркским суффиксом деепричастия на -а.

Сопоставление моделей с причастиями *-aa-γγй-дэ* и *-aa-дγй-дэ*, проведенное Е.К. Скрибник [1988: 63], показало, что эта форма причастия с дательным-местным падежом формирует модель со значением предела во времени с отрицательной частицей *γγй* 'пока (не)' образуя форму зависимого сказуемого *-aa-γγй-дэ*. В зависимости от того, отрицательная или положительная форма глагола стоит в главном сказуемом, формируется семантика начального или конечного предела во времени:

Эсэγγингээ ер=ээ=γγй=дэ гэрһээн бү гарагты 'Пока отец не придет, из юрты не выходите';

Боро хараан бол=оо=γγй=дэ хото хорёогойngo саһа хаиыш 'Пока не наступили сумерки, смети снег в ограде'.

Модель с семантикой предшествования формируется второй отрицательной формой причастия на *-aa* с показателем *-дγй* 'еще не' *-aa-дγй-дэ* 'пока еще не'

Различие в семантике то, что событие, обозначенное формой с аффиксом *-дγй*, ожидается с уверенностью [Скрибник 1988: 63]

Г.Д. Санжеев называет эти частицы именем-отрицанием. В ходе исторического развития монгольских языков препозиционные отрицательные частицы *есе* начали постепенно заменяться именами-отрицаниями. Причем причастие настоящего времени с отрицанием выражает такое ожидаемое действие, которое еще не совершилось [Санжеев 1964: 85].

Наличие форм, совпадающих по специфической семантике в контактных языковых ареалах, не может быть случайным. Трудно говорить о направлении влияния, но в монгольских языках форма остается семантически прозрачной и это можно использовать при анализе тюркской формы. Первым компонентом монгольской формы выступает причастие настоящего (прошедшего незаконченного) времени + имя-отрицание с семантикой 'еще не'. Причастная форма может смениться на деепричастную (калмыцкий язык). Эта структурная схема присутствует и в тюркских формах.

Первый компонент конструкции – аффикс, оформляющий глагольную форму в тюркологических работах, объясняется как деепричастие на *-a* в якутском и киргизском языках, или причастие на *-γу* в южносибирских языках [Щербак 1981: 178] или *-иγ/-ик/-ук* [Сат 1955: 79].

Д.М. Насилов в статье, посвященной этой форме, анализирует этимологию, предложенную И. Бенцингом, который возводил ее к аналитической конструкции **ган + элэ + йок*. Эта гипотеза позволяет объяснить конструкцию второго, наиболее темного компонента.

Усилительная частица *элэ* очень употребительна в киргизском языке. Она может быть сопоставлена с общетюркской частицы *ла* (*элэ < /э/ + лэ/*).

Эта гипотеза позволяет объяснить наличие в значении этой формы семы усиления, которая передается при переводе словом "еще".

Использование *йок*, как отрицания при глагольных формах, отмечается в языке желтых уйгуров, чулымско-тюркском языке. Таким образом, структура этой частицы в якутском и киргизском языках (*э)лэ + йок > элек / илик*. Эта частица сочеталась с причастной формой на *-γу* (или глагольным именем на *-иг*) или деепричастной формой на *-а* [Насилов 2000: 59]. В южносибирских языках, в том

числе и в тувинском, аналитическая конструкции синтезировались, что вполне отвечает тем процессам, которые свойственны этому ареалу.

Центром образования этой формы в тюркских языках является древнекыргызский язык. Это объясняет и ареал этой формы – зона иррадиации древнего кыргызского языка, и то, что наиболее непротиворечиво он этимологизируется на материале киргизского – частица *элэ*, то, что закономерности присоединения отрицания *йок* к глагольным формам присутствуют в языках ареала, связанного с древнекыргызским языком.

В алтайском языке форма на *-галак* больше смещается в план прошедшего и может замещаться отрицательной формой причастия *-баан*. Такой же процесс К. Шёниг описывает для языка Фуюйских кыргызов. К сожалению, диалектологических материалов по распространению формы на *-галак* и вытеснению ее формой на *-баан* нет, но из опросов носителей алтайского языка видно, что в некоторых говорах эта форма выходит из употребления. В тувинском языке эта форма смещается в зону будущего времени, приобретая значение ближайшего будущего.

В тувинском языке М.И. Черемисиной и Л.А. Шаминой выявлена отрицательная форма этого показателя [1982].

В 1981 г. во время экспедиции в Туву Л.А. Шамина и М.И. Черемисина проводили проверку употребления формы на *=галак* у носителей тувинского языка. Опрос населения Тоджинского района поселков Тоора-Хем, Азас, Ий показал, что в языке носителей этого диалекта причастие на *=галак* вообще не употребляется. Информанты, с которыми работали лингвисты, ни разу не дали примеров на эту форму. На прямые вопросы относительно предложений, содержащих форму на *=галак* в литературном языке, следовало два типа ответов: «я так не говорю» и «такой формы не знаю, это неправильно», «где-то слышал, кажется, на западе так говорят».

Существенно другая ситуация в центральном районе. Здесь причастие на *=галак* употребляется как в простом, так и в сложном предложении. Но в функции зависимого сказуемого его вытесняет форма на *=баанда*. Кроме «положительной» формы, Шаминой и Черемисиной впервые удалось зафиксировать форму на *=баалак*. В силу специфики своего значения (форма на *=галак* имеет только одну форму статуса), в тувинском сформировалась псевдоотрицательная форма на *=баалак*. Информанты считали, что смысл фраз от замены форм *=галак* на *=баалак* не меняется. Но в результате тщательного экспериментального исследования, выяснилось, что форма на *=баалакта* в своей противопоставленности форме на *=галакта*, представляет действие, которое еще не начало совершаться или начало его совершения не дано говорящему в наблюдении, тогда как форма на *=галакта* соотносится с уже начавшимся или начинающимся действием [Шамина, Черемисина 1982: 58–60].

Сохраняется форма и в хакасском языке, но она, вероятно, очень редко употребляется. Единственный пример получен нами от К.Н. Бурнаковой:

Пабазы төреен палазын аш даа көрбеелек пала төреен, че пабазы ам даа көргелек ‘Ребенок родился, а отец его еще не видел’.

Ареал формы на *-галак* размывается на периферии, в центре ареала возникают инновационные преобразования.

Но этот ареал (распространение формы на *-галак* / *-а* илик) неоднороден. Но в якутском языке функции формы илик гораздо шире. Е.И. Коркина описывает употребление этой формы не только как сказуемого, она доказывает, что эта форма может употребляться в значении любого члена предложения: определения, подлежащего, в падежном оформлении она может выполнять функции дополнения и обстоятельства.

В якутском языке это активная форма, образующая особое наклонение ещё не совершившегося действия, имеющего формы настоящего прошедшего времени, это причастная форма, часто принимающая различные падежные показатели, которая склоняется, принимая аффиксы сказуемости, при изменении временной отнесенности, принимает вспомогательный глагол *э-* и сохраняет сложную семантику “еще не + ожидаемое действие. Значение будущего, в некоторых контекстах появляется, но основным значением конструкций с этой формой Е.И. Коркина называет констатацию незавершенности действия в момент речи [1970: 248]. Более того она может употребляться в «самостоятельном (одиночном) виде, выступать как сказуемое в диалогической речи»

– Аһыы иликкин дуо? – ‘Ты ещё не ел?’ – Иликпин – ‘Ещё нет’ [Коркина 1970: 245].

Даже в «Якутско–русском словаре» [1972: 147] слово *илик* представлено отдельной словарной статьёй: «Эта форма попала в тюркские языки Сибири если не в одно, то в близкое время, вероятно из одного источника, но якутский язык в этом отношении противопоставлен другим сибирским тюркским языкам, в которых эта форма синтезировалась, но сближается с киргизским, в котором она также остаётся аналитической».

- Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. М., 1971.
- Котвич В.Л. Исследования по алтайским языкам. М., 1962.
- Малов С.Е. Лобнорский язык. Фрунзе: Изд-во АН Кирг ССР, 1956.
- Насилов Д.М. Заметка о форме –калак в шорском языке. Новокузнецк, 2000.
- Орловская М.Н. Язык «Алтан тобчи». М., 1984.
- Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978.
- Скрибник Е.К. Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке. Новосибирск, 1988.
- Тенишев Э.Р. Языки мира. Тюркские языки Бишкек, 1976.
- Тенишев Э.Р. У тюркских народов Китая. Москва: Наследие, 1995.
- Шамина Л.А., Черемисина М.И. Причастия на –галак (–калак) в тувинском языке // Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск: Наука, 1982.
- Юсупов Ф.Ю. Неличные формы глагола в диалектах татарского языка. Казань, 1985.
- Юсупов Ф.Ю. Личные формы глагола в диалектах татарского языка. Казань, 1986.